

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 226-УД25-17-А6

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

25 декабря 2025 г.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе
председательствующего Воронова А.В.,
судей Дербилова О.А., Сокерина С.Г.
при секретаре Лозовом С.В.

с участием прокурора Калачёва Д.А., осуждённого Музалёва М.А. посредством использования систем видеоконференц-связи, его защитника – адвоката Шпакова Ю.В. рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационным жалобам осуждённого Музалёва М.А. и его защитника – адвоката Шпакова Ю.В. на приговор 2-го Восточного окружного военного суда от 19 марта 2025 г. и апелляционное определение апелляционного военного суда от 3 июля 2025 г.

Согласно приговору

Музалёв Михаил Александрович,
[REDACTED],
несудимый,

осуждён за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, к лишению свободы на срок 8 лет 6 месяцев с отбыванием первых 3 лет в тюрьме, а оставшейся части срока наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением апелляционного военного суда от 3 июля 2025 г. приговор в отношении Музалёва М.А. оставлен без изменения, а апелляционные жалобы осуждённого и защитника – адвоката Шпакова Ю.В. без удовлетворения.

Заслушав доклад судьи Сокерина С.Г., выступления осуждённого Музалёва М.А., его защитника – адвоката Шпакова Ю.В. в поддержку доводов кассационных жалоб, прокурора Калачёва Д.А., возражавшего против удовлетворения кассационных жалоб, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Музалёв признан виновным и осуждён за пособничество в финансировании терроризма путём предоставления средств совершения преступления.

Преступление совершено им в период с [REDACTED] г. в г. [REDACTED] при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационных жалобах осуждённый и его защитник – адвокат Шпаков Ю.В. просят приговор и апелляционное определение отменить и уголовное преследование Музалёва прекратить за его непричастностью к совершению преступления.

В обоснование жалоб адвокат Шпаков Ю.В. и осуждённый Музалёв приводят следующие доводы:

переписка между Музалёвым и неизвестным лицом с ник-неймом [REDACTED] была непродолжительной, что свидетельствует об отсутствии крепкой связи и системности взаимодействия между ними. Содержание переписки не позволяет сделать вывод о том, что Музалёв, оказывая услуги по продаже аккаунтов, достоверно знал о признании организации [REDACTED] [REDACTED], в интересах которой действовал его партнёр по переписке, террористической. По делу не проведена лингвистическая экспертиза на предмет установления смысла и семантики текстов переписки между осуждённым и неустановленным лицом с ник-неймом [REDACTED]. Суд, не обладая специальными знаниями, сделал выводы о террористической направленности этих сообщений, что выходит за пределы его компетенции;

по делу не установлено, что Музалёв посещал сайты организаций, признанных террористическими. Название организации [REDACTED] [REDACTED], об участии в деятельности которой сообщил Музалёву его партнёр по переписке, не содержит указаний на противозаконность и направленность деятельности этой организации против интересов Российской Федерации и её граждан. Сам Музалёв являлся предпринимателем в области использования компьютерных технологий и управления компьютерным оборудованием, поэтому обращение к нему по поводу приобретения аккаунтов воспринималось им в контексте его обычной профессиональной деятельности. Изложенное свидетельствует об отсутствии у осуждённого умысла на совершение преступления террористической направленности;

положенные в основу приговора показания Музалёва на предварительном следствии о полном признании им своей вины в совершении инкриминируемого деяния содержат признаки самооговора. Музалёв неоднократно указывал, что признал вину под воздействием

заблуждения, вызванного давлением правоохранительных органов и отсутствием полной информации о сути предъявленного обвинения. Данные показания не согласуются с содержанием переписки между осуждённым и неустановленным лицом с ник-неймом [REDACTED]. Принадлежность последнего к террористической организации [REDACTED] не установлена. Иных доказательств, достоверно подтверждающих показания Музалёва, в деле не имеется;

показания свидетеля К [REDACTED], оглашённые в ходе судебного разбирательства, являются недопустимым доказательством, так как направленная ему телефонограмма не является надлежащим способом вызова свидетеля в суд. В деле нет сведений о неявке свидетеля по уважительной причине. Сторона защиты была лишена права допросить данного свидетеля в суде. Кроме того, показания данного свидетеля вызывают сомнения в достоверности, так как утверждение о принадлежности неустановленного лица с ник-неймом [REDACTED] к террористической организации не подтверждается иными материалами уголовного дела;

справка о том, что органами ФСБ России получены сведения, подтверждающие факт использования представителями террористической организации [REDACTED], [REDACTED], [REDACTED] для осуществления преступной деятельности аккаунта [REDACTED], [REDACTED] и криптокошельков с соответствующими идентификационными наименованиями, не является доказательством, поскольку не отвечает признакам, указанным в ст. 74 УПК РФ. При этом сведений об источнике данной информации в деле не содержится;

поскольку в результате судебной психолого-психиатрической экспертизы у Музалёва установлено смешанное расстройство личности, выводы экспертов о вменяемости осуждённого вызывают сомнения в правильности. По делу необходимо назначить повторную судебную психолого-психиатрическую экспертизу с целью выяснения, мог ли осуждённый, учитывая его расстройство личности, правильно интерпретировать содержание переписки и выделить из неё сведения о террористическом характере организации; обладал ли он достаточными когнитивными способностями для понимания юридически значимых последствий передачи учётных записей; были ли у него особенности, повышающие внушаемость и сниженные способности к критической оценке поступающей информации; требовалась ли для него повышенная разъяснительная работа, чтобы уяснить противоправность и опасность запрашиваемых действий;

по делу не установлено использование созданных Музалёвым аккаунтов в целях финансирования терроризма, что порождает сомнения в доказанности осознания им того, что он реализует продукцию в виде аккаунтов именно террористической организации.

Осуждённый Музалёв в своей жалобе в дополнение к указанным выше доводам высказывает мнение, что уголовное дело в отношении него было возбуждено незаконно на основании недостоверной информации. Кроме того, в материалах уголовного дела не содержится сведений о получении им вознаграждения с использованием криптокошелька за создание аккаутов для неустановленного заказчика.

Государственным обвинителем Витковской Е.О. поданы возражения на кассационные жалобы, в которых она просит оставить их без удовлетворения, а приговор и апелляционное определение без изменения.

Рассмотрев уголовное дело по доводам кассационных жалоб и выслушав стороны, Судебная коллегия не находит оснований для их удовлетворения.

Согласно ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Из материалов дела следует, что нарушений уголовно-процессуального закона, ограничивающих право стороны защиты на справедливое судебное разбирательство, не допущено.

Выводы суда о совершении преступления, изложенные в приговоре, соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Судебное разбирательство проведено в соответствии с положениями глав 35-39 УПК РФ объективно и всесторонне с соблюдением требований уголовно-процессуального закона о состязательности и равноправии сторон.

Все юридически значимые обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ, установлены.

Судом обеспечены необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных прав, которыми они реально воспользовались без каких-либо ограничений.

Сведений о предвзятости суда и об обвинительном уклоне не имеется.

Ходатайства, заявленные сторонами в ходе судебного разбирательства, разрешались судом в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, с вынесением обоснованных и мотивированных определений, соответствующих положениям ст. 256 УПК РФ, и объявленных в судебном заседании.

Все представленные сторонами доказательства непосредственно, всесторонне и полно исследованы, по ним стороны имели возможность дать пояснения и задать допрашиваемым лицам вопросы.

Приговор соответствует требованиям ст. 304, 307-309 УПК РФ.

Виновность осуждённого Музалёва в совершении инкриминируемого ему деяния подтверждается следующими доказательствами:

показаниями Музалёва на предварительном следствии о полном признании им вины в совершении инкриминируемого преступления с сообщением деталей, которые могли быть известны лишь ему. При этом он последовательно утверждал об осознании им того, что созданные им аккаунты переданы участнику террористической организации ██████████ для последующего сбора денежных средств в интересах обеспечения её деятельности;

оглашёнными в суде в соответствии с требованиями ст. 281 УПК РФ показаниями свидетеля К██████████ об обстоятельствах проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в результате которых обнаружена переписка осуждённого в мессенджере ██████████ с неустановленным участником ██████████, использующим учётную запись ██████████, находящимся на территории ██████████ и действующим в интересах этой организации, подтверждающая предоставление Музалёвым данному лицу за плату аккаунтов для сбора денежных средств на нужды данной террористической организации. 28 декабря 2023 г. Музалёв обратился в правоохранительные органы с явкой с повинной, в которой сообщил о содеянном. В ходе осмотра его жилища обнаружены предметы, указывающие на противоправную деятельность осуждённого;

протоколом ОРМ «осмотр жилища», подтверждающим обнаружение и изъятие по месту жительства Музалёва указанных мобильных телефонов, сим-карт операторов сотовой связи, системного блока и других предметов, которые осуждённый по собственному признанию использовал в процессе совершения преступления;

протоколом осмотра мобильного телефона Музалёва, в котором обнаружена переписка с удаленным пользователем ██████████ ██████████, подтверждающая создание осуждённым и предоставление названному пользователю аккаунтов для террористической организации ██████████ ██████████ в целях сбора денежных средств для обеспечения деятельности этой организации;

протоколом осмотра переписки Музалёва с пользователем ██████████ ██████████, согласно которому осуждённый согласился создать и предоставить названному заказчику за деньги аккаунты в мессенджере ██████████ для организации каналов сбора денежных средств на нужды ██████████ ██████████ что было им выполнено и за что он получил от данного лица вознаграждение;

протоколом осмотра предметов, подтверждающим нахождение указанных в приговоре абонентских номеров операторов сотовой связи, на которые осуждённым создавались учётные записи, в зоне действия базовых станций, находящихся в районе места жительства Музалёва, а также то, что соответствующие сим-карты устанавливались в мобильный телефон, который был изъят в ходе обследования жилища осуждённого;

сообщением Службы ФСБ России, согласно которому аккаунт в мессенджере [REDACTED] с именем [REDACTED] используется лицом, причастным к организации [REDACTED]»;

копией вступившего в законную силу решения Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2023 г. № [REDACTED] о признании украинского военизированного объединения [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] террористической организацией и запрете его деятельности на территории Российской Федерации,

иными доказательствами.

Требования уголовно-процессуального закона при исследовании и оценке доказательств судом выполнены. Сведений, указывающих на их недопустимость либо недостоверность, материалы дела не содержат.

Вопреки утверждению в кассационной жалобе осуждённого, уголовное дело в отношении Музалёва возбуждено с соблюдением положений ст. 140, 146 УПК РФ при наличии повода и оснований для возбуждения дела, которые полно изложены в отвечающем требованиям ст. 146 УПК РФ постановлении следователя о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству.

Также не нарушен установленный положениями главы 23 УПК РФ порядок привлечения Музалёва в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, которое является законным, обоснованным, было надлежаще разъяснено осуждённому и уяснено им.

Довод в кассационной жалобе защитника о том, что переписка между Музалёвым и неизвестным лицом с ник-неймом [REDACTED] [REDACTED] была непродолжительной, а её содержание не позволяет сделать вывод о том, что Музалев достоверно знал о признании [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] террористической организацией, является несостоятельным.

Исследованными в суде доказательствами в их совокупности и взаимосвязи подтверждается, что партнёр осуждённого по переписке прямо сообщил ему о своём участии в [REDACTED], и о том, что заказываемые у Музалёва аккаунты нужны для организации финансирования терроризма, за осуждённый получил обещанное денежное вознаграждение.

При таких обстоятельствах утверждение в жалобе о том, что Музалёв не знал о признании организации [REDACTED] террористической, не соответствует действительности.

Поскольку из содержания переписки между Музалёвым и неустановленным лицом с ник-неймом [REDACTED] следует, что они достигли договорённости о создании осуждённым аккаунтов для сбора средств в интересах террористической организации [REDACTED] [REDACTED] за вознаграждение, оснований для иной интерпретации их диалога не имеется, в связи с чем необходимость проведения судебной лингвистической экспертизы по выявлению другого смысла их общения отсутствует.

Вопреки утверждению в жалобах, признаков самоговора в показаниях Музалёва, данных им в качестве подозреваемого и обвиняемого на предварительном следствии и признанных судом достоверными, не имеется.

Эти показания даны Музалёвым добровольно после разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации о праве каждого не свидетельствовать против себя самого и предусмотренных ст. 46, 47 УПК РФ прав с предупреждением, что данные показания могут быть использованы в качестве доказательств по делу, в том числе в случае последующего отказа от них. Показания он давал в присутствии защитника – адвоката в условиях, исключающих возможность незаконного воздействия на него. Правильность составления протоколов допросов подтверждена подписями осуждённого и его защитника, замечаний или жалоб ими не высказано.

Сведений о ненадлежащем исполнении обязанностей адвокатом по защите Музалёва или о наличии предусмотренных ст. 72 УПК РФ оснований, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу, не имеется.

Музалёв в показаниях сообщал сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу, которые могли быть известны лишь ему самому. Они согласуются с иными доказательствами.

Таким образом, оснований для вывода о недопустимости и недостоверности данных показаний Музалёва не имеется.

Оглашение в судебном заседании показаний свидетеля Коробского осуществлялось в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 281 УПК РФ при наличии согласия сторон. Каким-либо образом сторона защиты показания этого свидетеля не оспаривала. После оглашения показаний свидетеля К [REDACTED] осуждённый Музалёв заявил, что согласен с их содержанием.

При таких обстоятельствах оснований для вывода о том, что в результате неявки свидетеля Коробского в судебное заседание и оглашения его показаний нарушены или ограничены какие-либо процессуальные права стороны защиты либо это повлияло на полноту, объективность и всесторонность судебного разбирательства, не имеется.

Справка о том, что органами ФСБ России получены сведения, подтверждающие факт использования представителями террористической организации [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] для осуществления преступной деятельности аккаунта [REDACTED] [REDACTED] и криптокошельков с соответствующими идентификационными наименованиями, вопреки утверждению в кассационных жалобах, соответствует ст. 74 УПК РФ. В качестве источника информации в ней содержится ссылка на оперативные данные, имеющиеся в соответствующем подразделении органа государственной безопасности.

Утверждение в жалобах о необходимости проведения повторной или дополнительной судебной психолого-психиатрической экспертизы является необоснованным ввиду отсутствия оснований, предусмотренных ст. 207 УПК РФ.

Психическое состояние осуждённого исследовано полно. Вывод суда о вменяемости Музалёва с учётом заключения комиссии экспертов, проводивших стационарную комплексную психолого-психиатрическую судебную экспертизу, является правильным.

Диагностированное у Музалёва смешанное расстройство личности не повлияло на его способность правильно воспринимать и оценивать значимые для дела обстоятельства, то есть в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Дальнейшее использование созданных Музалёвым аккаунтов не влияет на правовую оценку инкриминируемого ему деяния, которое является окончанным с момента предоставления им заказчику созданных им аккаунтов, заведомо предназначенных для сбора средств в пользу террористической организации.

Таким образом, совершённое Музалёвым преступление судом квалифицировано правильно. Оснований для иной уголовно-правовой оценки содеянного им не имеется.

Наказание осуждённому назначено в соответствии с требованиями закона, характером и степенью общественной опасности совершенного им преступления, данными о его личности, смягчающими и другими обстоятельствами, предусмотренными ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Судом учтены в качестве смягчающих наказание обстоятельств явка Музалёва с повинной и его активное содействие раскрытию и расследованию преступления.

Также учтены частичное признание осуждённым вины в содеянном в судебном заседании своей вины, положительные характеристики по месту жительства, состояние здоровья Музалёва и его близких.

С учетом изложенного суд пришёл к выводу о возможности не назначать Музалёву дополнительное наказание в виде штрафа.

Вместе с тем, исходя из характера и степени общественной опасности совершённого преступления, конкретных обстоятельств содеянного, суд пришел к правильному выводу о назначении ему наказания в виде лишения свободы на срок, указанный в приговоре.

Все юридически значимые обстоятельства, в том числе положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, при назначении наказания судом обсуждены и приняты во внимание. Оснований для изменения категории совершённого им преступления на менее тяжкую не имеется.

Назначенное наказание является соразмерным содеянному Музалёвым и справедливым.

При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в установленном порядке проверены законность, обоснованность и справедливость приговора, соблюдена процедура рассмотрения дела, в полном объёме рассмотрены доводы апелляционных жалоб, вынесенное апелляционное определение соответствует требованиям ст. 389²⁸, 389³³ УПК РФ.

Таким образом, нарушений закона, влекущих отмену либо изменение приговора и апелляционного определения, по делу не допущено.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 401¹³, 401¹⁴ УПК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

определила:

приговор 2-го Восточного окружного военного суда от 19 марта 2025 г. и апелляционное определение апелляционного военного суда от 3 июля 2025 г. в отношении Музалёва Михаила Александровича оставить без изменения, а кассационные жалобы осуждённого и его защитника – адвоката Шпакова Ю.В. без удовлетворения.

Председательствующий

А.В.Воронов

Судьи

О.А.Дербилов

С.Г.Сокерин